ГДѢ ПОТЕРЯЕШЬ, НЕ ЧАЕШЬ; ГДѢ НАЙДЕШЬ, НЕ ЗНАЕШЬ.

В. Луганскаго.

КЛЮЧЪ, ЛАДЪ И СТРОЙ ПѢСНИ

Чтобъ выйти изъ посконнаго ряду безъ отрепьевъ, чтобы не побранили здорово живешь, дайте напередъ оговориться: не повѣсть затѣйливую собираетесь вы читать, а самый обиходный разсказъ о томъ, какъ гора съ горой не сходится, а горшокъ съ корчагой въ печи столкнется, гдѣ и не чаялъ. —

На Святой недѣлѣ, когда ясное теплое солнышко было еще въ диковинку послѣ морозной и снѣжной зимы, все село, старъ и малъ, гуляли подъ релями, какъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ простыя качели. Народъ сидѣлъ и стоялъ кучками, расположившись тутъ и тамъ на утоптанной землѣ, изъ которой усильно пробивалась

носомъ на просторъ зелененькая травка, колѣнчатый спорышъ, круглолистые калачики, да жилистый придорожникъ. Въ одномъ изъ этихъ круговъ сидѣли пѣвцы и пѣвицы, изъ коихъ нѣсколько голосовъ отличались между всѣми прочими заливной соловьиной замашкой. Изъ этой семьи, сказалъ старикъ, указывая проѣзжему гостю на дѣвку и парня, изъ этой семьи ужъ не одинъ малый попалъ въ придворные пѣвчіи; это у насъ ужъ такая порода ведется. — Проѣзжій подсѣлъ и сталъ прислушиваться; другой старикъ, съ огромной сѣдой бородой, сидѣвшій въ кружкѣ, и какъ видно было, заправлявшій пѣсенниками, спросилъ: «а что баринъ, ладно ли, любо ли тебѣ?» Любо, старикъ почтенный, отвѣчалъ тотъ; пойте, я стану слушать. «А какую–жъ тебѣ спѣть? Какую ты любишь? Слова станешь, что ли, слушать, аль ты до голосу охочь?» И до голосу охочь я, отвѣчалъ тотъ, и слова стану слушать; коли знаешь старинную пѣсню, такъ спойте–ка старинную! —

Старикъ затянулъ, а прочіе стройно приставали, подхватывали и выносили, и спѣли слѣдующую пѣсню (*):

Какъ во городѣ, въ Царѣ–Кіевѣ,
Тутъ жила–была молода вдова;
Какъ у вдовушки было девять сыновъ,
А десята дочь несчастная....
Хорошо братцы ее возлелѣяли,
Возлелѣявши, за мужъ отдали:
Ни за князя, ни за боярина,
За хорошаго за морянина,
Какъ морянинъ онъ увезъ ее,
Молоду жену свою, за–море;
Она годъ живетъ и другой живетъ,
А на третій сынка родила;
Порождавши сына, встосковалася,
По родной своей по матушкѣ,
По роднымъ своимъ по сродничкамъ;
Говорила она другу милому:
Ты душа моя, ты возлюбленный!
Пожалѣй меня со младенчикомъ,
Ты поѣдемъ, другъ, къ родной матушкѣ!
Собралася она и поѣхала,

(*) Обѣ пѣсни эти списаны со словъ, какъ онѣ поются въ народѣ, въ Оренбургской губерніи.

Со своимъ другомъ милыимъ,
Со своимъ милымъ дѣтищемъ.
Они дѣнь ѣдутъ и другой ѣдутъ —
А на третій день становилися,
Коней кормить, кашу варить.
Не черны вороны налетали тутъ,
Злы разбойнички наѣзжали:
Морянина смерти предали,
Моряненочка въ воду кинули,
А меня молоду во полонъ взяли!
И мы день ѣдемъ и другой ѣдемъ —
А на третій день становилися,
Становилися, спать ложилися...
А одинъ–то изъ нихъ разбойничекъ
Ужъ онъ спать не спитъ, Богу молится,
Помолившись Богу, сталъ выспрашивать:
Ужь ты гой–еси, молода вдова,
Ты котораго, вдова, города,
Ты какого, вдова, роду–племени,
Ты чьего отца, какой матери?
А я города Царя–Кіева,
Отца–матери богатаго,
Роду племени хорошаго,
Какъ во градѣ Царѣ Кіевѣ
Жила–была молода вдова,

А у вдовушки было девять сыновъ,
А десята дочь несчастная;
Хорошо братцы ее возлелѣяли,
Возлелѣявши, за мужъ отдали,
Ни за князя, ни за боярина,
За хорошаго за морянина;
Онъ увезъ молоду за–море.
Она годъ живетъ, и другой живетъ,
А на третій сынка родила.
Породивши сына, встосковалася
По родной своей по матушкѣ,
По роднымъ своимъ по сродничкамъ,
Говорила она другу милому:
Ты душа моя, мой возлюбленный!
Пожалѣй меня съ младымъ юношей,
Ты поѣдемъ, другъ, къ родной матушкѣ?
Собиралась она и поѣхала,
Со своимъ другомъ милымъ,
Со своимъ милымъ дѣтищемъ.
Они день ѣдутъ и другой ѣдутъ,
А на третій становилися
Коней кормить, кашу варить.
Не черны вороны налетали тутъ,
Злы разбойники наѣзжали.
Морянина смерти предали,
Моряненочка въ воду бросили,

А меня молоду въ полонъ взяли!
Какъ возговоритъ разбойничекъ
Громкимъ голосомъ порывчатымъ:
Ужъ вы гой–есте братцы, братья — мои!
Вы вставайте–ка братцы скорехонько,
Вы послушайте сестру милую,
Сестру милую, сироту круглую; —
Не чужбинина мы смерти предали,
Смерти предали мы зятюшку;
Не чужаго мы и въ воду бросили,
Въ воду бросили племянничка!
Не чужеземочку и въ полонъ взяли,
Взяли мы родну сестрицу кровную!

Гость слушалъ съ большимъ вниманіемъ пѣсню эту, похвалилъ ее и спросилъ старика: А нѣтъ ли у тебя, старикъ, въ запасѣ еще такой же пѣсни? —

Есть, отвѣчалъ старикъ, расходившись; есть такая, что мать въ неволю къ Татарамъ попала, да угодила къ родной дочери; спѣть что ли? и затянулъ:

«Какъ за той–то, за той за Дарьей рѣкой, Татары–то полонъ дѣлятъ: кому злато, кому серебро достанется.
Доставалася видно теща зятюшкѣ… онъ

привезъ ее на дикую степь къ молодой женѣ: еще вотъ тебѣ, молода жена, вѣковѣчная работница, а вамъ мои дѣтушки, нянька–матушка! — Ты заставь ее жена три дѣла дѣлать: перво дѣло дитя качать, друго дѣло бумагу прясть, третье дѣло гусей пасти. Полоняночка ногами–то дитя качаетъ, руками–то бумагу прядетъ, глазами–то гусей пасетъ. Дитя качаетъ, сама прибаюкиваетъ: Ты баю, баю, мое дитятко, ты баю, баю, мое милое; ты по батюшкѣ татарченочекъ, а по матушкѣ ты Русеночекъ — и моихъ черивъ урывочекъ! —

Твоя матушка мнѣ родна доченька, у нея на правой груди родимо пятнышко!»

«Услыхали няньки–мамушки, доложили онѣ своей барынѣ: Ахъ барыня–сударыня, полоняночка дитя качаетъ, прибаюкиваетъ: Ты баю, баю, мило дитятко — ты по батюшкѣ татарченочекъ, а по матушкѣ Русеночекъ — и моихъ черевъ урывочекъ: твоя матушка мнѣ родна доченька, у нея на правой груди родимо пятнышко!»

«Какъ стучитъ, бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ — по сѣнямъ бѣжитъ и дрожма

дрожитъ: дочь родная упадала во рѣзвы ноги... Охъ, ты матушка сударыня! Что давно ты мнѣ не скажешься! Не заставила–бъ тебя три дѣла дѣлать: ни дитя качать, ни гусей пасти, ни бумагу прясти? Вотъ тебѣ золоты ключи, отмыкай–ка дубовы ларцы, бери себѣ золотой казны сколько надобно; поспѣшай–ка ты на конюшенку, бери себѣ коня добраго, поѣзжай съ Богомъ на Святую Русь, ко малымъ своимъ дѣтушкамъ!» —

«Дитя ли ты мое, дитя милое! не надо мнѣ золотой казны, не ѣду я на Святую Русь, съ тобой мой другъ не разстануся!»

Вотъ какое дѣло сталось, сказалъ старикъ, какъ–бы объясняя смыслъ пѣсни своей: разбойнички думали, грѣха не убояся, убить да обобрать чужихъ — чужой, такъ все будто на душѣ легче, чужое сердце во мнѣ не болитъ — анъ убили зятюшку, утопили сестрина сынка, да полонили родную сестру; а тутъ мать въ полонъ попала къ Татарамъ, анъ у нея дочка въ полонѣ, мурзинкой живетъ, въ

парчахъ, въ шелку ходитъ, въ серебряныхъ бляхахъ въ золотыхъ запястьяхъ.... стучитъ–бренчитъ, по сѣнямъ бѣжитъ, и упала въ ноги родной матери!

Да, сказалъ гость, на досугѣ кто нибудь хорошо сложилъ! —

Однако, баринъ, сказалъ старикъ, сказка складка, а пѣсня быль; ужъ ты тамъ что хочешь говори, а пѣсня быль. —

Можетъ статься, и быль, замѣтилъ гость, а можетъ статься, и досужество; мудрено, признаться, чтобы все это такъ сталось. —

Какъ мудрено? спросилъ старикъ, отчего мудрено? Нешто тому только и вѣры дать можно, что мы сами видѣли, а чего не видали, тому нельзя и вѣрить? Оно правда, что, можетъ статься, быль, а можетъ, и досужество; да вѣдь не грѣхъ, баринъ, и досужество: оно пить–ѣсть не проситъ, а ину пору накормитъ; ремесло за–плечами не носишь, а съ нимъ добро. Только вотъ что, баринъ, мудренаго въ томъ ничего нѣтъ, что въ пѣсняхъ этихъ поется; гора съ горой не сходится, а горшокъ съ корчагой въ печи столкнется, хоть они оба и не

одной руки работа, а каждый перешелъ Богъ вѣсть черезъ сколько рукъ, изъ разныхъ мѣстъ, покуда у мужика въ одной печи сошлися. Вотъ, баринъ, тутъ въ мою память было у насъ такое диво, что мужику Богъ далъ троихъ сыновей, да двухъ дочерей — всѣхъ было растерялъ, да всѣхъ опять Господь свелъ вмѣстѣ, и всѣ почитай господами подѣлались — а были такіе–жъ мужички, какъ и мы грѣшные. —

Гость просилъ старика разсказать, какъ это сталось; этотъ, поломавшись немного, подумавъ, погладивъ бороду, да почесавъ голову, согласился и разсказалъ слѣдующее:

РАЗСКАЗЪ.

Годовъ никакъ съ десятокъ до Француза, жилъ въ одномъ господскомъ селѣ — а называлось оно Лысовка — мужичокъ Иванъ Курмышевъ, и было у него дѣтей пятеро: три сына, да двѣ дочери.

Мужикъ онъ былъ такъ, середней руки, плохаго ничего за нимъ не важивалось, а на мудрое никто его не надоумилъ. Жилъ онъ – какъ Богу угодно; родился хлѣбъ – Курмышевъ сытъ, а за нимъ и семья и захребетники; не родился хлѣбъ – не украсть же его стать, благодать Божья и лебеда и мякина. Крестьянское горло суконное бердо: все мнетъ. Изъ себя Иванъ также не больно видный человѣкъ; ноги, руки привѣшены, какъ у Божьихъ людей, и голова стало быть на плечахъ, а ходитъ себѣ куль кулемъ, и не оглядывается. Да вотъ что: далъ Богъ ему хозяюшку, такъ уже и лицемъ показать, и за себя постоять: куда угодно. Баба разумная, а мужа въ жизнь ни разу дуракомъ не зывала; баба работящая, а кромѣ овсянаго снопа, никого цѣпомъ не колачивала; баба пригожая, красотка, а говоритъ: коли я приглянулась тебѣ, такъ погляди на меня, да и будь здоровъ! Ею–то и домъ стоялъ и хозяйство держалось; а какъ она помнила страхъ Божій, такъ Господь и благословилъ ее дѣтьми, что всѣ пошли не въ отца, а въ

мать. Сыновья парни бойкіе, разумные, а дѣвки такія, что заглядѣнье!

Старшихъ было два сына, еще молодые парни, не взошло ничего подъ–носомъ, а третья дочь, Катерина, стало быть еще помоложе ихъ. Господа стали заглядываться на нее и толковали въ господскомъ домѣ, бывало, что Катерина и не походитъ на мужичку, а боярышня она по всему. Изъ себя тонинька, а кругла и румяна; глазами глядитъ словно граматная какая, а войдетъ куда, да поклонится, такъ вотъ ровно тебѣ по губамъ текло, да въ ротъ не попало.

У господъ у этихъ была боярышня, дочь, и полюбила она Катерину, взяла ее къ себѣ въ горничныя и стала одѣвать ее ровно куколку. Она стала водить ее таки все по крестьянскому, въ сарафанѣ, да только убирала по своему, для потѣхи своей, и сарафанчики шила ей не кумачные, а господскіе, набивные да шелковые. Катеринушка моя пошла такой павочкой расхаживать, что бывало, какъ гости на барскій дворъ наѣдутъ, такъ ею не налюбуются: все на показъ вызываютъ.

Вотъ и былъ одинъ заѣзжій баринъ, изъ военныхъ, молодой и видный изъ себя, да сошлись надъ нимъ, не то чтобы пригожество и убожество — была, сказываютъ, за нимъ и вотчина, да роду былъ онъ по ихъ счету не залетнаго; дворянинъ–то онъ дворянинъ, да не перебродила, что–ли, десятая вода на киселѣ —столбовые тѣ его въ свое братство и не пускаютъ: погоди, говорятъ, молодъ. Онъ этого дѣла и знать не хотѣлъ; пусть–де ихъ величаются, а я знаю, что я не хуже ихъ. Вотъ онъ и посватался за боярскую–то дочку, а они возми, да и откажи; не въ свои–де сани садишься, намъ подай такого, чтобы семи пяденей во лбу былъ, либо князя, что–ли какого, а ты однодворецъ: и обругали его. Вотъ его и взяло поперегъ живота, и расходился; да нешто я, говоритъ, не такой же дворянинъ? нешто я съ поля по дорожкѣ бѣжалъ, да сюда забѣжалъ? да самимъ имъ, говоритъ, можетъ статься, нашему брату кафтанъ подать, такъ и то въ почетъ будетъ; у нихъ и дѣти–то всѣ ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца; вся семья соберется,

такъ тоже, кто съ борку, кто съ сосенки; кто имъ приказалъ порочить честный родъ мой, дворянскій? такъ я–жъ, говоритъ, покажу имъ, что по закону Божескому и человѣческому, по мужѣ жену честятъ, а не по женѣ мужа!

Вотъ онъ осерчавъ на господъ этихъ и задумалъ налить имъ щей въ ложку, да пустить туда крупицы крошку, чтобъ говоритъ, не расхлебали, а поперхнулись. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ; а задумалъ онъ, чтобы на зло имъ жениться на горничной дѣвушкѣ ихъ, на Катеринѣ. Видѣлъ онъ ее разъ другой, по личеку она ему приглянулась — дай–ка вотъ я–то имъ насолю, посватавшись на дочери, да женюсь на дочерней горничной!

Какъ самъ онъ не ѣздилъ болѣе къ нимъ въ домъ, такъ подослалъ надежную свашеньку, сосѣдку ихъ, такъ, дворянку изъ мѣлкой сошки, и обѣщалъ ей сотъ пять, коли сладитъ дѣло. Та была пролазъ–баба, вьюнъ такой, что въ одно ушко влѣзетъ, въ другое вылѣзетъ, сама не смигнетъ глазомъ. Стала она понавѣдываться къ тѣмъ барамъ, стала нашептывать Катеринѣ и то, и сё — та

и слышать не хочетъ; сама головой крутитъ, и не говори–дескать, а сама чай уши наострила. Такъ, сякъ, сманила она Катерину съ собой по грибы, дорогой все знай одно да одно ей толкуетъ; Катерина въ слезы, обманетъ онъ, говоритъ, не женится; какъ ему взять за себя мужичку! Тутъ глядь — отколѣ ни взялась карета, а въ каретѣ самъ женихъ сидитъ, подхватилъ Катеринушку, посадилъ; та заметалась было во всѣ стороны, бѣлы руки заломила, да дѣваться–то не куда, а баринъ цѣлуетъ Катеринушку, унимаетъ, да уговариваетъ: прямо изъ кареты, говоритъ, подъ вѣнецъ и поведу; все готово, попъ ждетъ, до заката солнца обвѣнчаемся, честно, какъ Господь повелѣлъ; жить ты будешь припѣваючи, ходить станешь въ шелку, въ бархатѣ, носить станешь жемчугъ, золото; сама будешь у меня барыней!

Подъѣхали гдѣ–то въ чужомъ селѣ прямо къ паперти церковной: свѣчи горятъ, и попъ дожидается. Катеринушку мою на рукахъ внесли; свѣту Божьяго не взвидѣла. Вотъ давно ли мужичка была — и вѣкъ бы такъ изжила, сомлѣть бы не изучилася; а тутъ,

какъ завидѣла судьбу неминучую, что быть да быть барыней – такъ съ легкой руки, для почину, обморокъ къ ней сразу прикинулся!

Очнулась сердешная, стоитъ, дрожитъ, сама не знаетъ, что съ нею дѣется... Пригожа–то она пригожа, да въ крестьянскомъ платьѣ еще, какъ на себя взглянетъ, а женихъ такой, что только бъ барышнѣ ея по плечу; вотъ она испугается опять и не знаетъ, какъ быть. Не успѣла оглянуться, ужъ и обошли вокругъ налоя и къ кресту приложились, а тамъ и дрДжки стали цѣловаться, и съ нею и съ нимъ, поздравлять да добра желать, да и поѣхали домой.

А сваха межъ тѣмъ, выждавъ съ часокъ, воротилась къ тѣмъ господамъ, да какъ ко двору стала подходить, то и собачьей побѣжкой пустилась, да руки заломила къ верху, да ну кричать: увезли, говоритъ, вотъ въ моихъ глазахъ увезли; и не знаю кто и откуда, а у меня ноги такъ и подкосились; я кричать, я бѣжать – покуда добѣжала до нее, до сердешной, а тутъ только пыль столбомъ по дорогѣ пошла!

Такъ моя Катеринушка и пропала безъ вѣсти, ровно въ воду канула: господа ее узнали правда въ чьихъ она рукахъ – да ужъ обвѣнчана была, кромѣ развѣ выкупа, ништо возмешь; слухъ пошелъ по селу, что ушла Катерина съ такимъ–то; отецъ и мать поплакали, да и благословили ее заочно, дай Богъ любовь да совѣтъ, коли обвѣнчалась, чтожъ, не безчестно сманилъ, стало быть и грѣха нѣтъ.

Поговорили, потолковали на селѣ – развели на бобахъ, замолчали. Господа тожъ: не плакать стать по горничной своей, хоть и стыдно было, что сватался на дочери, а женился на горничной – да отвели сердце, побранивъ его за глаза и махнули рукой.

Былъ однакоже одинъ человѣкъ, у котораго залегло дѣло это на–сердцѣ не на три дня, а ходилъ онъ долго, думалъ да гадалъ, да на усъ моталъ. А былъ это подстаршій братъ Катерининъ, Григорій. Не полюбилось ему жить у господъ своихъ, ни у отца у матери; онъ былъ бойчѣе всѣхъ, да ину пору дурь въ

голову попадала, маленько отъ рукъ отбивался, такъ случалось, что бывалъ битъ и самъ. Вотъ онъ себѣ и задумалъ: коли сестра у меня за военнымъ офицеромъ, за родовымъ дворяниномъ, такъ чтоже я стану тутъ поясницу ломать на барщинѣ? Не клиномъ же земля передо мною сошлась, не только и свѣту, что у батюшки въ красномъ окнѣ! А въ тѣ поры слухъ былъ, что селятся на Кавказѣ, и кто ни приди, только бы дошелъ туда, такъ вольный будешь и земли отведутъ и сиди и живи, знай только самъ себя. Было тутъ много и вракъ, про молочныя рѣки, кисельные берега, сытовые колодцы — ну, это присказка, а сказка будетъ впереди. — Вотъ Григорій и задумалъ на Кавказъ; а какъ онъ былъ еще и самъ парнишка совсѣмъ молодой и любилъ малаго брата своего, Терентія, пуще всѣхъ, то и задумалъ бѣжать, да съ собой увести и Терешку. А Терешка въ тѣ поры еще и до бороноволока не доросъ на четверть, такъ вотъ только что ходилъ, да какъ телокъ молоко съ губъ облизывалъ. Ну, жаль вишь стало

Григорью покинуть его, онъ и его съ собой. Ушелъ и пропалъ, ровно утопился, ни слуху, ни духу.

Узнавши объ этомъ, баринъ осерчалъ такъ, что свѣту не взвидѣлъ; досадила ему крѣпко ужъ и Катерина, что дала себя сманить и опозорила боярышню; а теперь вотъ Григорій бѣжалъ, да еще и брата увелъ; разсердился баринъ на всю семью, да тутъ–же старшему Курмышеву, недолго думавъ, Герасиму, лобъ забрилъ; а меньшую дочь, Марью, не давъ ей и подрости, всего–то годовъ четырнадцати, отдалъ за мужъ за старика вдовца, за плохаго мужичка, такъ, лыками сшитаго, только слава что мужикъ, а самъ хилой, больной, таки никуда не годится.

Межъ тѣмъ Григорій знай пробирается дальше, норовитъ такъ, чтобы гдѣ Исправнику не попасться въ руки, а доплестись какъ нибудь до самаго до Кавказа. Много таки кой–чего съ нимъ случалось, всякой нужды и горя натерпѣлся: и безъ хлѣба трое сутки съ братишкомъ промаялся; и волки съѣли было гдѣ

то, какъ заночевалъ въ терновой трущобѣ; и больной провалялся въ степи дня четыре, какъ мочи не стало, и чуть не померъ; однако доплелся. Хоть хуже будетъ жить де–скать, а все инако будетъ, не по старому — а старое–то житье и надоѣло. Въ чужой рукѣ всегда ломоть великъ. Вотъ пришли они въ тѣ мѣста, что Черкесы вороватые никому проходу не даютъ и отъ нихъ, сказываютъ, житья нѣтъ; кому нужда за чѣмъ по дорогѣ идти, либо ѣхать, такъ все съѣзжаются обозами, а за ними полки въ конвой идутъ, ину пору и пушку еще берутъ съ собой, да и отбиваются; а нашъ Григорій, какъ ему на вольный свѣтъ и на добрыхъ людей глядѣть нельзя было, пошелъ да пошелъ пробираться все дальше; день лежитъ въ лѣсу, въ камышахъ, а ночь идетъ, и все идетъ, а самъ не знаетъ куда; только знаетъ, что за Кавказомъ, сказываютъ, всякому селиться вольно и землю отводятъ и подушнаго нѣтъ, ни рекрутчины, ни барщины; а чего добраго и въ такія мѣста зайдешь, гдѣ молочны рѣки, кисельные берега. Шелъ онъ, шелъ, да и напоролся самъ на свою бѣду, и попалъ

какъ куръ во щи: такъ–таки его и взяли Черкесы живьемъ руками — на ловца и звѣрь бѣжитъ, а онъ самъ сердечный на нихъ и набѣжалъ. Какъ сталась бѣда эта, такъ Григорій и догадался, вишь, тоже крѣпокъ заднимъ умомъ, что дѣло плохо; сталъ онъ тосковать и по себѣ, а еще пуще по маломъ братѣ, что отдалъ его въ руки Татарамъ. Думаетъ бѣжать, что Богъ ни дастъ — такъ брата жаль покинуть, по немъ убивается пуще, чѣмъ по себѣ. Такъ промаялся сутки; — вдругъ, на другую либо третью ночь, отколѣ ни взялись казаки, въ такихъ–же говоритъ мохнатыхъ шапкахъ, какъ и Черкесы, что и не распознаешь ихъ — напали на шайку эту, на Черкесовъ, да и давай ихъ лупить. А тѣ, видятъ, что дѣло плохо, давай Богъ ноги, пошли одинъ другому дорогу указывать — да не доставайся–же, говорятъ, полонъ ни намъ, ни вамъ: прикололи бѣднаго Григорія ни за грошъ, покинули. Вотъ тебѣ и воля; и попалъ туда, гдѣ нѣтъ ни рекрутчины, ни подушнаго, ни барщины! Какъ съ того свѣту придетъ, такъ,

можетъ статься, и поразскажетъ что нибудь о сытовыхъ рѣкахъ.

Межъ тѣмъ, Герасима отдали въ солдаты, а Марьюшку чуть не туда же, погубили дѣвку ни за грошъ. Старикъ Курмышевъ потужилъ опять, поплакалъ — что будешь дѣлать? Власть Господня. Было пятеро дѣтей, такихъ, что завидно было смотрѣть на нихъ стороннимъ — а тутъ не стало вдругъ ни одного. Герасимъ въ солдатахъ; Григорій въ бѣгахъ, и съ Терёшкою; Катерина не то за мужемъ, не то такъ ушла; а Марья и того хуже: колотится сердечная, что рыба объ–ледъ, и молода еще, и слабосильна, а хозяинъ больной, хилой старикъ; а сиротъ, пасынковъ да падчерицъ малъ–мала–меньше полна изба; такъ и замоталась, ровно ошалѣла; и ласки законной от мужа ни какой не видала, словно только изъ избы въ избу работницей перешла; день–то бьется, а ночь плачетъ, только всего и житья.

Ну, однакожъ хозяйка Курмышева, Марьюшкина мать, сколько ни плакала тожъ по сиротству своему, а надежду на

Бога полагала; горя вездѣ много на свѣтѣ, говорятъ, а рядомъ съ нимъ и добро живетъ, когда подчасъ не изъ него–ль еще оно родится. Она старика своего заставила Богу молиться, да стараться гдѣ можно за себя и за своихъ, и сама моталась туда и сюда, чтобъ сложа руки не сидѣть, не пустословить, праздновать праздникъ, а не будень и умилостивить за дѣтей своихъ господъ, что бы эти на нихъ не пеняли. Такъ она со старикомъ своимъ всякую помощь подавала Марьѣ, да увидавъ, что та не справится съ хилымъ старикомъ и шестерикомъ ребятишекъ, взяла четверыхъ къ себѣ, а ей покинула двоихъ, по старше; вотъ Марьюшкѣ и полегшало. Вспомнила мать и о другихъ дѣтяхъ: просила она грамотныхъ людей отписать въ ту вотчину, которой помѣщикъ ей либо зятемъ сталъ, либо нѣтъ, чтобъ узнать, не слыхать ли чего о дочери ея, Катеринѣ; и въ полкъ писала она, гдѣ былъ, по слухамъ, Герасимъ — да отвѣту не сталось ни откуда; а Курмышева, почитая, что отчаяваться грѣшно, все по прежнему отъ восхода до заката старалась по

своему да по дочернину хозяйству, да за сиротъ что Богъ ей далъ — такъ годъ за годомъ и проходилъ.

Все это было въ ту самую пору, въ то памятное всѣмъ намъ время, какъ наступилъ было Французъ на Москву, да ожегся, да попятился, чтобъ простудиться, да и замерзъ. Кто живой съ руками съ ногами былъ, всѣ въ тѣ поры подъ ружье пошли, и не было ни толковъ, ни разговору, какъ про Француза. И я послужилъ въ тѣ поры, хоть однимъ плечемъ, да послужилъ: былъ въ ратникахъ. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; не клокъ же какой нибудь матушка Россія, каблукомъ ее сразу не раздавишь, да и нахрапомъ ее не накроешь; исплошится съ одного конца, поправится съ другаго — а встанетъ вся, такъ вѣдь ровно преставленье свѣта, чай не совладать захожимъ молодцамъ, хоть они разопнись. На что уже у насъ въ глуши, и тутъ даже послѣдній мужичокъ бодрился, хоть и знали всѣ, что Москвы–то ужъ нѣтъ, да были слухи, что и Питера не стало; — ну, чтожъ, просторомъ насъ Господь не обидѣлъ, жаловаться грѣшно; за Москвой

да за Питеромъ есть еще гдѣ порасходиться, охочій не добѣжитъ туда съ разу, а горячій простынетъ. Межъ–тѣмъ наши чай поспѣютъ собраться, да снарядиться; не на полатяхъ же лежа встрѣчать да провожать станутъ непріятеля.

Ну миновалась и эта година; какъ постояла за себя матушка Русь, да поддавъ Французу киселя, пошла за нимъ въ проводы, чтобъ не давъ ему оклематься, добить подзатыльниками; такъ поднялись и прочія земли, и уходили его въ конецъ: сиди, говорятъ, дома. Извѣстное дѣло, передній заднему мостъ; за починомъ дѣло стало, а тамъ, сказываютъ, не отставали и прочіе. Прошло еще годовъ съ десятокъ никакъ, тутъ война объявилась съ Турками. Два лѣта повозились наши и тамъ, побили ихъ и замирились.

Вотъ въ Турціи и пришлось, что въ одномъ сраженіи — не было меня тамъ, такъ и не знаю въ какомъ, а врать не хочу, ужъ старъ больно на это — въ сраженіи поприжали было Турки

полковника одного, и пошла раздѣлка жаркая: наши–то и радыбъ постоять за себя, такъ не беретъ сила; они вишь съ горъ, да изъ лѣсу такъ и валятъ. Ну, въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются, а чья возметъ, тотъ и голова. Приходитъ нашимъ плохо; вдругъ, смотрятъ, помощь валитъ: таки вотъ откуда все Турокъ сыпался, изъ лѣсу, несутся и наши по пятамъ, ровно дождевики вслѣдъ за ними выросли, да и прижали ихъ; тутъ ужъ въ охотку стало и тому полковничку, и онъ поналегъ — справились да порасчистили поле такъ, что и духу Турецкаго тамъ не стало.

Вотъ тотъ первый полковничекъ и здоровается, порѣшивъ все благополучно, съ тѣмъ, что на подмогу поспѣлъ, и спрашиваетъ, какъ чествовать его и откуда Богъ принесъ. Да я, говоритъ тотъ, Курмышевъ прозываюсь, Герасимъ Ивановичъ. А изъ какого жъ вы мѣста родомъ? Да я вотъ оттуда–то, изъ села Лысовки, изъ простыхъ мужичковъ, и дослужилъ, благодаря Бога и великаго Государя, до большаго чина, и самъ теперь

начальствую. — А у васъ, опять спрашиваетъ тотъ, не было–ль сестры Катерины? — Была; а вы, говоритъ, гдѣ ее видѣли? Она у насъ сердечная почитай–что безъ–вѣсти пропала, сманили ее, да и увезли! — А я, говоритъ тотъ, знаю такъ ее, что она мнѣ жена; а мы стало быть съ тобой зятья да шурья! — Вотъ и давай обниматься и распрашивать, кого и какъ Господь миловалъ, да Государь жаловалъ.

Я, говоритъ Курмышевъ, хоть съ первоначала и больно сердился на своего барина и каюсь, замышлялъ было противъ него худое, за то что разобидѣлъ онъ все наше семейство, а теперь не тужу. Попалъ я на службу въ такую пору, когда добрые солдаты были дороги; Богъ помогъ мнѣ; начальство полюбило меня, головы своей я не щадилъ — такъ я пошолъ да пошолъ, да вотъ и дослужился. Вотъ, говоритъ, и все; а ты же, братъ любезный, какъ?

А я, сказалъ зять его, я женился на Катеринѣ твоей просто на зло господамъ вашимъ, которые больно зазнались; а женившись, братъ любезный, полюбилъ Катеринушку какъ душу. Что пригожа она

была, это я видѣлъ, на то глаза во лбу; а что ума–разума было въ этой дѣвкѣ, такъ этого чай никто до того не зналъ. Какъ дастъ Богъ живы здоровы будемъ, да домой воротимся, такъ ты братъ на нее не налюбуешься; такая барыня вышла прекрасная, что завидно, братъ, глядѣть на нее тѣмъ, которые въ шелку повиты, дворянскимъ молочкомъ вскормлены. Ужъ что войдетъ тебѣ куда, что сядетъ, что слово молвитъ, то глядѣть на нее весело и радостно. Однако братъ, пойдемъ, осмотримъ–ка своихъ раненыхъ, да пораспорядимся, какъ слѣдуетъ.

Вотъ они и пошли, ходили по братски, рука въ руку, и всякій распорядокъ дали, да и зашли поглядѣть на плѣнныхъ. Приказали накормить ихъ, стали распрашивать; солдаты и говорятъ, что одинъ есть тутъ изъ нихъ немного знаетъ по–русски, да еще и Русскимъ сказывается. Подай его сюда! пришелъ; и по ихнему кланяется, и голова бритая въ чалмѣ, боится сердечный, не казнить ли ведутъ — сталъ передъ полковничками и дрожитъ. Начали спрашивать его — плохо

знаетъ по русски, однакоже немножко понимаетъ. Ты гдѣ по–русски научился? — «да я, говоритъ, Русскій». — Какъ Русскій? откуда? — «Я малъ былъ, чуть помню — братъ меня увезъ на Кавказъ; тамъ взяли меня, а брата убили, держали меня не долго, продали Туркамъ, увезли моремъ въ Турецкій городъ; давно ужъ этому — а помню, что такъ было; тамъ хозяина моего въ войско взяли, въ чиновные, а онъ меня взялъ съ собой; вотъ я и попался.»

Какъ поглядѣли другъ на друга полковнички, какъ заплакали, да Турка того давай обнимать; тотъ сердечный, ровно чужая голова у него на плечахъ, не знаетъ какъ быть: въ ноги имъ стелется, а они знай къ нему на шею вѣшаются. Одинъ говоритъ: я тебѣ братъ; другой говоритъ: я тебѣ зять; вѣдь тебя Терешкой звали, какъ былъ ты Русскимъ? Точно, говоритъ, Терёшкой. — Ну, такъ ты, Терентій Ивановичъ, нашъ; сымай чалму, отращивай волосы, босовики разуй, да учись ходить въ сапогахъ; живи съ нами, съ нами поѣдешь и домой!

Терентій Ивановичъ помаленьку сталъ отвыкать отъ Турецкихъ ухватокъ своихъ, а братьямъ радъ былъ такъ, что первое время не помнилъ себя. Вотъ, сказалъ зять, видишь ли, Герасимъ Ивановичъ, словно мы съ тобой по грибы пошли: еще одного подобрали изъ своихъ; Богъ милостивъ, не далъ же намъ другъ на друга руки поднять, не далъ брату брата убить; а долголь было до грѣха? уложилибы на мѣстѣ, либо мы его, либо онъ насъ, такъ и закопали бы, земля бы все покрыла, и Богъ бы одинъ и вѣдалъ про то…

Терентій отъ брата своего не отставалъ болѣе, а разсудивши съ нимъ, какъ быть и что дѣлать, опредѣлился тутъ же на службу. Такъ наконецъ пришло и замиренье и пошла армія наша домой. Зять стало–быть списавшись съ своей Катериной, гдѣ было ей встрѣтить на границѣ мужа, да не написавъ ей про братьевъ ни слова, вдругъ и привелъ къ ней ихъ обоихъ. Она, взглянула ли, нѣтъ ли на чужихъ, да къ мужу на шею. Тутъ и слезамъ и радостямъ не было конца. Обняла Катерина мужа — и не выпускаетъ

его изъ рукъ; уйдешь, говоритъ, опять, да пропадешь — не дай Богъ опять тоже, что было; лучше помру безъ тебя, а ждать не дождаться — моченьки моей нѣтъ! Подвела она ему и двоихъ дѣтей: вотъ, говоритъ, сколько Богъ далъ намъ съ тобой, сколько оставилъ ты мнѣ, столько и сдаю тебѣ опять съ рукъ на–руки: сберегла обоихъ; ночей не досыпала, куска хлѣба не доѣдала, а ихъ сберегла! Старшіе тожъ здоровы, въ наукѣ, а этихъ я безъ тебя грамотѣ выучила, добру наставляла, наказывала быть въ отца!

Вотъ какъ, подумалъ Герасимъ Ивановичъ, стоя до поры до времени ровно чужой въ углу избы, между тѣмъ какъ Турокъ Терентій прижался къ косяку, — вотъ какъ! ужъ она другихъ грамотѣ учитъ; а при мнѣ еще кромѣ серпа да цѣпа ничего въ рукахъ не держала!

Обнялъ мужъ и расцѣловалъ свою Катерину, обнялъ и дѣточекъ и стряхнулъ таки чай слезу съ усовъ, покуда опомнился, кого еще съ собой привелъ. Ну, говоритъ, Катеринушка моя, это все ладно, все благодаря Бога хорошо, и добрая ты моя

жена и хозяйка; да вотъ, погляди–ка, я привезъ тебѣ изъ похода гостей, одинъ нашъ, другой Турокъ; вотъ этотъ хотѣлъ было убить меня, пошелъ на меня воевать; да этотъ, спасибо, заступился, не далъ въ обиду, отстоялъ.

Хоть я не дамъ толкъ, что ты говоришь, сказала Катерина, назвавъ мужа по отечеству, — а коли есть правда въ твоихъ словахъ, такъ я пойду обниму напередъ вотъ этого, который за тебя постоялъ; а тамъ, коли ужъ ты простилъ и тому, и привелъ его ко мнѣ въ гости, такъ и я мирюсь съ нимъ, и съ нимъ поцѣлуюсь!

Умная жъ ты баба, сказалъ хозяинъ ея, и не собьешь тебя видно съ толку ни чѣмъ. Ну, а обнявшись съ ними, по христіански, погляди–ка на нихъ, не захочешь ли еще обнять по братски? Смотри, какъ они сердечные жмутся, не зная, какъ быть и какъ къ тебѣ приступиться! Смотри–ка, вѣдь никакъ давно ужъ слезы навернулись и у нихъ; съ чего бы это такъ! —

Стала Катерина и опѣшила со всѣмъ, даромъ что чужимъ умомъ не живала, а тутъ не приберетъ и слова. Глядитъ, то на

мужа, то на нихъ — хоть бы опять, какъ въ тѣ поры, когда подъ вѣнецъ несли ее, обморокъ ошибъ, такъ бы въ самую пору; однакожъ устояла. Да говори–же, Хріста ради, закричала она, говори, что ты со мной дѣлаешь? —

Вотъ тебѣ братъ Герасимъ, а вотъ тебѣ и братишко Терентій, сказалъ ей муженекъ: одинъ угодилъ было въ Турки, а теперь опять сталъ нашимъ; другой не испугался того, что ему лобъ забрили, а вотъ головой да грудью взялъ свое; самъ начальникъ теперь, какъ и я, и крестами пожалованъ не хуже всякаго столбоваго дворянина? —

Тогда–то ужъ Катеринушка кинулась къ нимъ и повисла на шею обоимъ. Протолковали они вчетверомъ почитай всю ночь на пролетъ; всякій расказывалъ свое житье–бытье и что и какъ съ нимъ приключилось.

Я, говоритъ Катерина, не вѣрила свахѣ его, не слышала родясь, что бы такіе женихи были у крестьянскихъ дѣвушекъ, хоть меня господа и избаловали и захвалили не много — за русу косу, за черны брови; однако–же все у меня этого въ головѣ не бывало. Когда же онъ–вотъ поймалъ меня одну въ полѣ, посадилъ да увезъ; такъ я, добра не чая никакого, хотѣла убиться, хоть бы вотъ подъ колесы кинуться изъ кареты, такъ и то бы благодать. Я помнила только отца, да пуще всего мать, а себя не жалѣла. Какъ послѣ обвѣнчали насъ, какъ что дальше было — ровно во снѣ помню, знаю только, что успокоилась, предавшись волѣ Божьей. А когда узнала его, получше, стала посмѣлѣе съ нимъ, да опомнилась сама и опозналась — такъ зажили мы душа въ душу съ нимъ и правда, что полюбила я его, какъ и сама не чаяла. Такъ небось и съ нимъ было: взялъ меня онъ не по добру, не по Божьему закону — а послѣ и сердце забылъ свое и недобрую думку, а тоже слюбился какъ Богъ велѣлъ и теперь говоритъ — коли не обманываетъ — что не

сталъ бы такъ любить и барышни моей, когдабъ пошла за него, какъ полюбилъ меня. А я, не забывая простаго рода своего, какъ и вы, милые братья, сколько силъ моихъ было, старалась, чтобъ не стыдно было мужу меня въ люди показать, чтобъ быть мнѣ не мужичкой между ровнями его, а хозяйкой, какъ слѣдуетъ. Чей хлѣбъ ѣшь, того и пѣсенку поешь; отъ людей не отставай, а къ людямъ приставай. Вотъ мы благодаря Бога и живемъ; и не упрекалъ меня муженекъ мой ни разу, что я не ему чета, а возитъ, такой похвальбишка! возитъ еще на показъ, какую–де воспиталъ себѣ жену! —

А чтожъ, сказалъ тотъ, разумѣется такъ; не чужимъ я говорю теперь, а своимъ, роднымъ шурьямъ: готовой такой не найти; отъ–того и похваляюсь.

Теперь, сказала Катерина, по одномъ только у меня сердце болитъ, по отцѣ и матери. Что съ ними? живъ ли кто изъ нихъ? Когда бы Господь привелъ увидаться съ ними хоть разъ, то вѣчно бъ благодарила его въ молитвахъ своихъ, и помолодѣлабъ опять, опять стала бъ такою, какою была,

живучи при нихъ.... много чай мать обо мнѣ поплакала!

А что–же, сказалъ полковничекъ, за чѣмъ дѣло стало? благо теперь вся семья, всѣ мы вмѣстѣ сошлись: просись ты, Герасимъ Ивановичъ, въ отпускъ, и я отпрошусь, солдата своего и самъ уволю — вотъ и поѣдемъ, да какъ снѣгъ на голову!

И за словомъ давай всѣ обниматься да въ путь–дороженьку снаряжаться.

Вотъ, баринъ, продолжалъ раскащикъ, теперь пожалуй и пой пѣсню, такъ и будетъ быль:

Не сизы туманы изъ–за горъ–горы подымалися,

Подымался поѣздъ путничій ни свѣтъ ни заря:

А ни свѣтъ ни заря къ селу Лысовкѣ подъѣзжаютъ они —

Подъѣзжаютъ брата два, со сестрой родной, со роднымъ зятюшкой.

Какъ стучитъ–то въ нихъ и стучитъ таки ретиво сердце,

По тому–ль по свиданью со отцемъ, съ родной матушкой!

Ну, пріѣхали они по близости Лысовки въ деревню, у полковничковъ не стаетъ силъ дожидаться, поколѣ лошадей покормятъ; не льзя ли, говорятъ, принанять тутъ, чтобъ къ обѣду поспѣть въ Лысовку! Мы заплатимъ честно, что потребуется. Можно, говорятъ, вотъ здѣшніе мужички возмутся, да еще подпряжетъ пожалуй пару свою мужичокъ Лысовскій, что сюда привезъ оттолѣ купцовъ. А гдѣ онъ, подайте его сюда! — Пришелъ. — Ты Лысовскій? — Лысовскій, баринъ. — А чьихъ же ты, изъ какой семьи? — Да я баринъ, коли знаете, Курмышева старика сынъ. — Какъ такъ Курмышева? стало быть ты Григорій? — Григорій и есть; а вы–де какъ меня знаете? —

Ну, тутъ сбѣжались всѣ, давай брата обнимать, да цѣловать; тотъ знай усы да бороду утираетъ, не мытое рыло подставляетъ; съ ума что ли, дескать, спятили господа заѣзжіе бояре, что всѣ мужику на шею цѣпляются, да роднымъ братомъ зовутъ? А тутъ еще какъ подбѣжала и Катерина красавица, барыня пышная, ужь по платью–ль, по рѣчамъ ли,

по походкѣ ли, по всему, барыня; такъ Григорій стоитъ, ровно баранъ какой, ужъ и не знаетъ съ котораго боку подступиться. Григорій мой и слышитъ что толкуютъ ему, да вѣры нейметъ; насмѣхъ что ли–молъ подымаютъ меня — а такихъ сестеръ, зятьевъ да братьевъ у меня, хоть побожиться, такъ не бывало!

Живъ ли отецъ? — Живъ слава Богу. — А мать? — И мать жива, всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ. — А сестра Марья? — Сестра Марья жива; тожъ и она хозяйка хорошая стала, маленько горе съ плечъ свалило. Больной–то, старый хозяинъ померъ у нея. Богъ надъ нею смиловался; ребятишки всѣ подросли, чернаго хлѣба не просятъ, сами въ домъ носятъ, а не изъ дому. Она осталась молодой вдовой, красавица такая, хоть на показъ куда вести, хоть съ невѣстами на смотрины, такъ въ самую только пору; и таки жить не жила она съ хилымъ мужемъ, опричь того, что до послѣдняго часу все за нимъ ходила, да и схоронила. А какъ грѣха за ней не было ни какого, хоть за старымъ мужемъ, и все одно что безъ мужа жила, а

страхъ Божій помнила и слушалась матери своей, которая все только добру ее учила; какъ окромѣ добра никто про нее ничего не слышалъ, а собой была она по–чище всѣхъ дѣвокъ Лысовскихъ, такъ и стали сватать ее со всѣхъ сторонъ, только что успѣла старика отвезти на погостъ. Подумавъ, да порядивъ съ матерью, которая упросила и господъ, чтобъ надъ дочкою смиловались, она и вышла за Косарева сына, за Степана, за перваго мужика на селѣ, и по достатку, и по хозяйству. Вотъ она и живетъ благодаря Бога, нужды не знаетъ, избу построили новую, просторную, съ хоромами, и стариковъ взяли къ себѣ, отца то есть ея и мать. —

Ну, Григорій, а ты же какъ въ живыхъ опять объявился, да на старое мѣсто угодилъ? Вѣдь тебя убили Черкесы? —

Григорій поглядѣлъ на брата Терентья, да и заплакалъ отъ радости, да опять сталъ его обнимать. Погубилъ было я тебя сердечнаго, съ великаго ума–разума своего!.. Слава тебѣ Господи, что все миновалось! А со мной было вотъ что: прикололи меня собаки окаянныя, да и

бросили. Что было тутъ — ничего не знаю; только сказывали послѣ козаки, что, говорятъ, счастливъ ты Григорій, что–де не до тебя тогда было намъ, погнали мы ихъ дальше и своихъ то убитыхъ троихъ покинули, некогда было похоронить; а то бы, говорятъ, лежалъ бы и ты съ ними теперь въ землѣ, ничто бы взялъ. Всѣхъ четверыхъ васъ, говорятъ, за–мертво мы покинули и не повѣрили бы никому какъ глазамъ своимъ, что ты–де очнулся, да выползъ. А я, видишь, очнувшись на зарѣ, утромъ, гляжу — нѣтъ ни души, только что казаки убитые лежатъ трое, да одна лошадь. Я ну ползти да ползти на корачкахъ, доползъ до водицы, напился, обмылся, отдохнулъ — и всталъ ужъ коё–какъ на свои ноги. Ну, не больно рѣзвы онѣ были, что ступишь, то подламываются; однако дошелъ я до торной дорожки и послышалъ за собой, какъ солнышко поднялось, конницу. Вотъ, думаю, либо панъ, либо пропалъ; коли свои — такъ авось не покинутъ; а коли горцы, такъ постараются они около меня въ другой разъ по–лучше. Глядь — анъ наши; такъ я

благополучно съ ними и вышелъ, да зарокъ и положилъ: коли дастъ Богъ ожить мнѣ, никуда не пойду больше, какъ прямо домой, да господамъ въ ноги; власть ихъ, что хотятъ, то пусть и дѣлаютъ, а ужъ я понесу все на себѣ, за брата сердечнаго, за Терентія, котораго сгубилъ вотъ ни за грошъ! Такъ я вылежался и воротился; да вотъ, ради страданій моихъ, что крѣпко израненъ, господа помиловали меня, — и пожаловали въ свинопасы; я живу себѣ, овдовѣлъ давно, дѣтей слава Богу не осталось, — одна только своя голова на плечахъ — и живу себѣ бобылемъ, ни избы своей, ни хозяйства своего нѣтъ.

Побесѣдовавъ съ Григоріемъ, господа велѣли ему закладывать коляски, либо кареты свои, подпрягли тутъ и другіе мужички и пустились мои землепроходцы въ путь, во дороженьку. Стали подъѣзжать, родимыя мѣста признавать: гдѣ лѣсокъ, гдѣ березка стоитъ, гдѣ бугоръ, пригорокъ, либо вражекъ — все припоминаютъ, другъ передъ другомъ похваляясь; а полковники зачастую на часы свои поглядываютъ, скоро ли–де пріѣдутъ. Ну, не за горами

ужъ и Лысовка, передъ ними, какъ на ладонкѣ. Вотъ и храмъ Божій виднѣется, колокольня все таже, какая была, годовъ тому съ пятнадцать; вонъ и господскій домъ стоитъ, съ садомъ, конюшни, овчарни, скотный дворъ… А вонъ, говоритъ Григорій, Марьюшкина изба: вонъ по–новѣе другихъ кажетъ, за колодцемъ. Пріѣхали, и прямо подкатили къ Марьюшкину двору. Хозяйка думаетъ, какіе нибудь проѣзжіе, да видно отдохнуть ко мнѣ заѣхали, и вышла за вороты. А Григорій кричитъ ей: вотъ, Марьюшка, гостей привезъ тебѣ, такъ гостей; знаю, что вѣкъ будешь благодарна! – Ну, говоритъ Марья про себя, ты все радъ только горло драть, не знаешь по чемъ; милости просимъ, молвила она вслухъ, поклонившись господамъ. Растворяй ворота, хозяйка, закричалъ одинъ полковничекъ, соскочивъ съ коляски – мы–де на постой къ тебѣ, совсѣмъ жить пріѣхали! – Ну милости просимъ, молвила Марья – тамъ, тамъ, какъ хозяинъ себѣ знаетъ. И стала растворять вороты.

Марья, сказалъ Герасимъ Ивановичь, взявъ ее за руку, Марья Ивановна, а помнишь ли что у тебя сестра была Катерина, да еще два брата, Герасимъ, да Терентій? — Помню, говоритъ Марья, а сама глядитъ на полковника, глазомъ не смигнетъ; не знаетъ, что такое это будетъ. — Такъ я–жъ тебѣ братъ, Марья, и это братъ, а то сестра, а это тебѣ своякъ!

Разбѣжались глаза у Марьи, не знаетъ, что и дѣлать, испугалась, стала креститься; а Катерина заплакала, да къ ней на шею... Хозяинъ глядитъ въ окно, и говоритъ старикамъ; что тамъ такое, какіе пріѣзжіе веселые пріѣхали — что за диво! ровно съ сестрой обнимаются да цѣлуются, съ хозяйкой. — Пойду, погляжу. Пошелъ, а старики подошли къ окну, да тожъ и себѣ ничего въ толкъ не возмутъ. Какъ вышелъ хозяинъ, такъ за–словомъ и съ нимъ господа пошли обниматься. Вотъ и вошли въ избу, и даромъ что господами стали, а по крестьянскому обычаю сперва перекрестились, да прямо отцу и матери въ ноги. Ну, старики чуть не рехнулись отъ радости; видятъ, что въ ноги некому пасть

больше, какъ ни дѣтямъ роднымъ; а чтобъ такіе дѣти были у нихъ, того и во снѣ не видали. Отецъ радъ былъ — а ужъ мать, такъ не знаетъ, какъ къ которому подойти и что съ нимъ дѣлать; долго не вѣрила и не могла себѣ того въ обычай взять, что все это понаѣхали дѣти ея; а ужъ послѣ все только ходитъ около нихъ, плачетъ да слушаетъ ихъ, да по головкѣ гладитъ, то одного, то другаго. А какъ станетъ она передъ Катериной своей, да взглянетъ на нее, то такъ снова и зальется слезами. Какъ–же никто изъ васъ вѣсточки о себѣ не подалъ, а я еще и писала вамъ, сказала мать... Нѣтъ, матушка, отвѣчали тѣ, мы твоихъ писемъ не видали, а мы въ первые годы писали; да какъ намъ не было отвѣта, то и думали, что васъ давно на свѣтѣ нѣтъ, и замолчали сами. Тутъ только догадались всѣ они, чье недоброе дѣло это было, что письма ни туда, ни сюда не доходили; покачали головой, да и подумали: ну, дѣло прошлое, Богъ ихъ проститъ.

Межъ–тѣмъ съ господскаго двора ужъ прибѣгали узнать, кто такой заѣхалъ. Какъ пришелъ съ отвѣтомъ посланецъ, такъ

господа и не вѣрятъ. Народъ со всего села сталъ собираться вкругъ избы Марьиной, поглядѣть на такое диво; здоровались всѣ добрые люди, кто помнилъ Курмышевыхъ молодыхъ, и не могли на нихъ нарадоваться.

Черезъ день случился праздникъ, и пошли всѣ, вся семья Курмышевыхъ, къ обѣднѣ. Впередъ старики, отецъ и мать, въ хорошемъ платье своемъ; за ними дочь Катерина съ мужемъ, тамъ Марья съ своимъ, а тамъ два брата, Герасимъ да Терентій; а Григорію — пустодому пришлось плестись сзади одному. Полковнички въ своихъ мундирахъ, въ крестахъ, и Терентій въ своемъ, въ солдатскомъ; Марьюшка въ праздничной поневѣ, въ шелковомъ платкѣ; а ужъ Катеринушка, хоть и говорила мужу, что рядиться больно не стану–де, а все вышла ровно княгиня настоящая, по осанкѣ, по всему. Ужъ и въ церкви чай не одинъ согрѣшилъ изъ прихожанъ, не–хотя всѣ туда глядѣли, на Курмышевыхъ, что–де такого дива, какъ сошлась семья ихъ, и на свѣтѣ не слышно было!

Отстоявъ обѣдню, вся семья пошла къ помѣщику; къ господамъ на поклонъ. Ну, сперва тѣмъ какъ–будто не ловко было, не знали, можетъ–статься, какъ стать и сѣсть; однако же обошлись вскорѣ, – и какъ всѣ пріѣзжіе, и полковничекъ Герасимъ и пуще всего Катеринушка, не памятуя никакого зла, были почтительны къ прежнимъ господамъ своимъ и ни чуть передъ ними не ломались, то и господа полюбили ихъ и стали къ нимъ доброжелательны. Вотъ, потолковавъ и сладили дѣло такъ: за Марьюшку съ хозяиномъ, да за Григорія, внесли братья выкупъ; а за стариковъ, господа и выкупа не взяли, отпустили ихъ такъ. Поблагодаривъ господъ, пошли всѣ въ этотъ день на обѣдъ къ старикамъ Курмышевымъ, посадивъ за столъ всю родню, человѣкъ пятнадцать; съ краснаго конца сидѣли старики, а тамъ полковнички, да новобранецъ Терентій, да Марья съ Катериной. На другой день баринъ позвалъ всѣхъ ихъ къ себѣ на обѣдъ и посадилъ съ собою за одинъ столъ всѣхъ; и старика со старухой, и Марью, и бобыля Григорія. Во весь столъ шумно и весело гуляли, и все

распрашивалъ баринъ каждаго, какія бывали съ нимъ приключенія, и всѣ тому дивились. А надъ Григорьемъ господа по маленьку трунили, что захотѣлъ на Кавказѣ побывать, воли поискать, отъ подушнаго, отъ барщины уйти, да вмѣсто воли попалъ въ неволю. Что–жъ дѣлать, сказалъ Герасимъ Ивановичь, на всякую причину разума не напасешься; за то его Господь и наказалъ, перенесъ и потерпѣлъ онъ много — пора и забыть того, этотъ грѣхъ, и не поминать, чего теперь уже не воротить.

На всѣхъ на нихъ заглядывались господа, все дивуючись, какіе вышли изъ Курмышевыхъ бары, да какъ находчивы они обычаемъ, что промежъ господъ и сами господа, не стыдно и тамъ посадить на первое мѣсто; а со сродниками своими, съ крестьянами, тожъ ровно братья и спеси нѣтъ въ нихъ никакой; а ужъ Катерина Ивановна, такъ озадачила ихъ всѣхъ, господъ–то своихъ, такъ — что старый баринъ бывало послѣ вспоминаетъ, разсказываетъ господамъ, да и говоритъ: такая пышная Княгиня стала она, да вѣдь что ни сдѣлаетъ, куда ни сядетъ, такъ

ровно вотъ въ свои сани сѣла, ровно въ княжествѣ и родилась; а собой, говоритъ, такая красавица, что иной барынѣ послѣ этого стыдно на себя посмотрѣть; ну кабы несовѣстно было передъ сторонними людьми, къ ручкѣ бы подошелъ, ей ей — вотъ что.

Кончивъ, старикъ всталъ и утеръ бороду, ровно послѣ сытнаго ужина. Кружокъ, который наросталъ по–немногу во время разсказа, сталъ шумно и радостно расходиться, обсудивъ такъ и сякъ старикову повѣсть и дѣлая кой–какіе двусмысленные намеки. Гдѣ же ты слышалъ повѣсть эту? — спросилъ проѣзжій, полагая, что старикъ былъ уроженецъ и житель этой деревни. — Слухомъ земля полнится, отвѣчалъ тотъ, кивнувъ головой. — Крестьяне разсмѣялись, а одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: да вѣдь это, баринъ, Григорій Курмышевъ и есть! — Какъ, Григорій? спросилъ проѣзжій, да какъ–же онъ сюда попалъ? — Шатается по бѣлу свѣту, отвѣчалъ тотъ, торгуетъ кой чѣмъ, да нашего брата надуваетъ; а вотъ у

насъ и загостился, видно хочетъ отпраздновать Пасху.

В. ЛУГАНСКИЙ